

Модернизационные и консервативные изменения в постсоветской социальной политике в отношении детей

Л. А. Окольская

Статья поступила
в редакцию
в августе 2018 г.

Окольская Лидия Александровна кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. E-mail: okoli@yandex.ru

Аннотация. С целью изучения представлений российских госструктур о детях как социальной группе, ценностей и норм социальной политики и действий государства в отношении детей проанализированы рамочные документы, характеризующие политическую риторику о детях, и версии закона о правах ребенка в Российской Федерации. В выборку вошли тексты двух жанров — риторические, рамочные документы (программы, концепции) и действующие законы. На основании контент-анализа текстов выявлены отразившиеся в законодательстве ценности воспитания и нормы обращения с детьми (универсализм, индивидуализация, гуманность, консерватизм, чувствительность к переменам) и методы социальной политики (стимулирование, приведение к норме, запреты). Анализ динамики характеристик социальной политики в отношении детей

от 1990-х к 2010-м годам свидетельствует о наличии в ней как модернизационного, так и консервативного тренда. Модернизационный тренд 2010-х состоит в учете международного опыта при разработке правовых норм: дети признаются социальными акторами и равноправными участниками общественных процессов; восприятие государством детей как социальной группы становится более индивидуализированным; происходит отказ от коллективных форм ухода за сиротами, признается потребность детей в принадлежности и любви; в детях поощряются ценности автономии, такие как самостоятельность и ответственность. Консервативный тренд социальной политики в отношении детей выражается в статистически значимом росте поддержки традиционных ценностей — многопоколенной семьи, родительского авторитета и лояльности.

Ключевые слова: дети, социальная политика, государство, права детей, семья, ценности воспитания, модернизация, эмансипация, консерватизм, законодательство, риторика, контент-анализ.

DOI: 10.17323/1814-9545-2019-2-262-292

Отношение к детям, зафиксированное в правовых нормах, характеризует государство как социального агента и дает возможность проследить его трансформации. Институционализированные нормы позволяют судить не только об идеальном, с точки зрения государства, состоянии общественной морали, но и о типичных ценностях воспитания и объективных условиях жизни семей с детьми. Так, общество, в котором разрешены телесные наказания для детей, отличается по своим нормам и практикам от общества, в котором такого рода воздействие находится под запретом.

Защита детей и развитие их индивидуальных способностей становятся приоритетными ценностями для западных обществ после первого демографического перехода [Арьес, 1999; Калверт, 2009]. Создаются социальные институты, работающие с детьми, растягивается образовательный период. Гуманизируется отношение к детям, упраздняются телесные наказания, однако контроль над детьми и родителями возрастает. Государства проходят этап высокой институционализации заботы о детях, а затем от нее отказываются [Дисней, 2017]. Во второй половине XX в. в развитых странах меняются воспитательные приоритеты: вместо послушания в детях поощряется самостоятельность [Lenski, 1963; Kohn, 1959a; 1959b; 1963; Alwin, 1986]. В развивающихся странах в XX в. государство активно мотивирует детей к достижению успеха, наполняя школьные хрестоматии примерами преодоления трудностей [McClelland, 1961]. Режим социального государства оказывается связан с семейным поведением и воспитательными ценностями семей [Зеликова, 2012].

Отношение к детям меняется в соответствии с эволюционной теорией модернизации, разработанной под руководством Р. Инглхарта. Данные многолетних международных обследований свидетельствуют, что высокая гарантия выживаемости детей постепенно сдвигает приоритеты общества от безопасности и строгих внутригрупповых норм к развитию и личной свободе. «Высокий уровень экзистенциальной безопасности с большей вероятностью приносит более толерантный и открытый взгляд на мир» [Инглхарт, 2018. С. 25]. Толерантность подразумевает большую терпимость по отношению к национальным и сексуальным меньшинствам, наделение женщин равными правами с мужчинами, уничтожение рабства и колониализма, «дестигматизацию „испорченных“ идентичностей» [Девятко, Абрамов, Катерный, 2017. С. 92]. Идентичность ребенка если и не «испорчена», то неполноценна по сравнению с идентичностью взрослого. Детская эмансипация — признание прав детей — является несомненным признаком модернизации.

В начале XX в. в России в ходе революционной модернизации было трансформировано большинство социальных институтов, перекроена социальная структура, интенсифицировалась соци-

1. Постановка проблемы

1.1. Статус ребенка в традиционных и модернизированных обществах

1.2. Россия: революционная модернизация семьи и консервативный тренд

альная политика, изменился сам язык, которым разговаривало государство [Вишневский, 1998; Григорьева, 2017; Селищев, 2010]. В течение 1920-х годов советское государство стремилось организовать, т. е. охватить социализирующими мерами, всех детей в стране начиная с раннего возраста — вводя обязательное начальное образование, институционализируя многочисленных сирот, потерявших родителей в революционные годы, создавая сети разнообразных детских учреждений [Фараджев, 2002]. Государство безуспешно пыталось гуманизировать обращение с детьми в учреждениях и семьях, устранить повсеместную практику физических наказаний [Бендина, 2007]. Для социальной политики раннего СССР характерно намеренное умаление родительского авторитета (вплоть до принудительного публичного отречения детей от политически неблагонадежных родителей) и замена его авторитетом политизированного детского коллектива. Дети стали намного более заметны в обществе и даже опасны для взрослых, например как потенциальные доносители [Келли, 2009]. В результате произошел серьезный ценностный сдвиг, приводивший к конфликтам не принимавших советские ценности отцов и «прогосударственно» социализированных детей¹.

Несмотря на революционные изменения, 1930-е годы в СССР были отмечены реваншем традиционных семейных и гендерных норм [Вишневский, 1998]. В 1936 г. Л. Д. Троцкий писал о трудовой дискриминации советских женщин, их обремененности бытом, о проблеме явной и скрытой детской безнадзорности (т. е. о бесконтрольности, характерной для традиционных обществ). Троцкий указывал и на возрождение родительского авторитета в семьях. Как марксист, причиной восстановления традиционной семьи в СССР он считал бедность государства [Троцкий, 2017. С. 82–89].

Вторая мировая война поставила десятки миллионов советских граждан на грань физического выживания. После войны акцент на развитии военно-промышленного производства, широкое использование принудительного труда, юридически закрепленное бесправие значительной части населения долго удерживали

¹ Ярким примером такого «конфликта отцов и детей» является история Павлика Морозова — сына уральского крестьянина, донесшего властям на своего отца за сотрудничество с «кулаками» и впоследствии убитого своей родней. Исследовательница советского детства К. Келли, опираясь, в частности, на анализ биографии П. Морозова и общественной реакции на его гибель, подтверждает высокий уровень политизации детей того времени, их участие в различных объединениях и самостоятельное создание таковых [Келли, 2009. С. 44]. Ценностное противостояние между разными социальными группами и поколениями российского общества было излюбленным сюжетом в художественной литературе тех лет (А. С. Макаренко, В. В. Маяковский, Ю. К. Олеша, А. П. Гайдар и др.).

жизненные стандарты населения на крайне низком уровне [Ярская-Смирнова, Романов, Лебина, 2008]. Неудивительно, что советское общество было законсервировано и в ценностном плане, в то время как в европейских странах общественная мораль существенно менялась. Сдвиг устоев российской семейной культуры пришелся на перестройку и последующие годы, тогда как, например, во Франции он произошел 20 годами раньше, в связи с социально-политическим кризисом 1968 г. [Магун, 2011].

Смена политического строя в 1991 г., безусловно, модернизировала российское общество, но последовавшие за ней ухудшение качества жизни и снижение экзистенциальной безопасности формировали общественный запрос на стабильность — и, следовательно, консерватизм. Массовые опросы, проводившиеся в 1990-е годы Ю. А. Левадой, свидетельствовали о первостепенном значении материального благополучия для россиян [Левада, 2000. С. 183].

В начале 2000-х годов политическая стабильность сопровождалась значительным экономическим ростом и увеличением гарантий выживания. Однако доминирующими ценностями россиян и в «нулевые», и в 2010-е годы оставались стремление к богатству и власти, а также безопасность [Магун, Руднев, 2010]. В диапазоне общесемейных ценностей, бытующих в европейских странах, Россия по сей день тяготеет к традиционному полюсу [Магун, Фабрикант, 2014]. И все же к 2006 г. общество переориентировалось с воспитания послушания на воспитание самостоятельности [Окольская, 2017]. Десятилетие экономического роста все-таки создало предпосылки для переориентации части населения с ценностей безопасности на ценности самовыражения. Эти изменения проявились и в социальной политике в отношении детства.

В 1990-е годы российское государство принимало меры к улучшению положения детей. Ратификация Конвенции ООН о правах ребенка в 1993 г. повлекла за собой разработку ряда нормативных документов о детях. Растущее внимание государства к юным гражданам проявилось в снижении в 1997 г. возраста выдачи паспорта с 16 до 14 лет, которое можно рассматривать и как знак детской эмансипации, и как усиление контроля над подростками. При этом в воспитательную деятельность семьи государство почти не вмешивалось [Щеглова, 2004].

В «нулевые» годы продолжают государственные программы поддержки детства: материнский капитал с 2007 г., учреждение должности уполномоченного по правам ребенка в 2009 г. В 2010-е годы государство совершило важный модернизационный шаг — предприняло попытку деинституционализировать уход за сиротами. К числу факторов, подтолкнувших запуск этой реформы, исследователи относят проникновение в государственную риторику международных норм в отношении детей,

общественное беспокойство по поводу детского благополучия и депопуляции [Kulmala, Rasell, Chernova, 2017].

Одновременно с этим в российской социальной политике продвигается консервативный проект как попытка возвращения в секулярное и урбанизированное постсоветское общество патриархальных норм многодетности и религиозности [Мельвиль, 2017; Бызов, 2010; Вершинина, 2018]. К этому проекту относятся законодательные инициативы против аборт, введение ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, включение религиозно-педагогических курсов в общеобразовательную программу школ, запрет на международное усыновление российских сирот. В законодательстве о репродуктивных правах наступает период архаизации, выражающийся в ограничениях возможностей прерывания беременности [Сакевич, Денисов, 2017]. При этом усиливается просветительская деятельность государства [Гурко, 2013]. В контенте российских медиа зафиксирован пронаталистский поворот — значимый рост числа публикаций семейной и детской проблематики с преобладающей трансляцией политизированных кейсов, таких как международное усыновление, защита прав детей и т. д. [Радина, 2018].

1.3. Цель и задачи исследования

Цель нашей работы состоит в изучении представлений российского государства о детях как социальной группе, в определении ценностей и норм социальной политики в отношении детей и следующих из них действий государства.

Задачи исследования:

- 1) изучить сформулированные в документах социальной политики:
 - представления государства о потребностях детей и способы классификации этой социальной группы,
 - нормы обращения с детьми,
 - воспитательные ценности,
 - методы действий в отношении детей;
- 2) проследить изменения в представлениях о детях, ценностях воспитания, нормах обращения с детьми, методах социальной политики в постсоветский период;
- 3) сравнить программные документы и версии закона о правах ребенка на основании заложенных в них представлений о детях, ценностях воспитания, нормах обращения с детьми, методах социальной политики.

Для исследования взяты тексты двух жанров:

- 1) программы, характеризующие политическую риторику о детях:

- Основные направления государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 г. (Национальный план действий в интересах детей), утвержденные Указом Президента РФ от 14 сентября 1995 г. № 942;
 - Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг., утвержденная Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761;
 - Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р;
- 2) действующие законы:
- Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (оригинальная версия);
 - тот же закон в последней на момент исследования редакции от 18 апреля 2018 г.

В исследование не входят статьи Уголовного, Трудового и Семейного кодексов, а также Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ («закон Димы Яковлева»), поскольку этот документ не посвящен детям целиком, а содержит лишь несколько, хотя и важных, статей о них.

Анализ письменных высказываний, отражающих представления законодателей о детях, их воспитательные ценности, нормы обращения с детьми, а также предлагаемые ими способы действия в отношении детей проводился количественным и качественным методами. Для обработки данных применялось программное обеспечение MAXQDA Analytics Pro 2018. Основной единицей анализа текста был выбран абзац как самостоятельный смысловой фрагмент, легко вычленимый в тексте и дающий достаточное для построения выборки количество наблюдений. Абзац подходит для анализа законодательных документов, так как является их базовой содержательной единицей. Из абзацев складываются пункты статей законов, при изменении законодательства часто убирают или добавляют именно абзацы (иногда совпадающие с пунктами). Всего в пяти документах, которые послужили источником информации для исследования, были закодированы 1060 абзацев. Они и составили базу данных для анализа.

Первым этапом работы стал качественный анализ текстов, состоявший в последовательном вычитывании документов, формулировке кодов, подборе ключевых слов к каждому коду и проверке релевантности этих слов. Мы разработали систему эмпирических показателей (см. табл. 1–3), при операционализации которых опирались, с одной стороны, на теоретические типоло-

2. Метод исследования, база данных и измеренные показатели

гии (потребностей, ценностей, действий), а с другой — на содержание исследуемых документов. Например, среди базовых потребностей детей значительное внимание уделяется безопасности, и для описания этой потребности используются разные ключевые слова. Вычленив то или иное слово, мы осуществляли лексический поиск его в файле данных MAXQDA, затем отыскивали последовательно каждый абзац, содержащий такое слово, и присваивали ему код «безопасность», предварительно прочитав текст абзаца и убедившись, что в нем действительно идет речь о безопасности. При отборе слов мы двигались от общих определений к частным случаям, проверяли синонимы, перечитывали тексты. В разных документах одни и те же эмпирические показатели могли быть выражены разными словами — в силу меняющейся языковой моды властного дискурса, понятийных заимствований из международного законодательства, узкой специализации некоторых статей документа. Наша задача состояла в том, чтобы отыскать большинство релевантных слов по каждому показателю и объединить их под одним кодом. Подбор ключевых слов и их тестирование путем лексического поиска и изучения контекста их употребления продолжались до тех пор, пока не выяснилось, что новые ключевые слова возвращают нас к тем абзацам, которые уже были помечены данным кодом (например, безопасность), т. е. не добавляют ничего нового к смысловой схеме текста. Этот методологический прием, на наш взгляд, позволяет снизить вероятность случайности выбора тех или иных ключевых слов.

В табл. 1–3 подробно описан результат качественного этапа анализа — система смысловых кодов и привязанных к ним корней ключевых слов². В соответствии с задачами исследования коды распределяются на три основные группы.

Первая группа кодов описывает потребности детей, которые государственные структуры замечают и отображают в законодательстве. Упоминание потребностей позволяет оценить сложность представлений государства о детях, о неоднородности этой социальной группы (индивидуализация), выявить проблемные и благополучные с точки зрения государства страты³.

При составлении набора кодов мы использовали классическую пирамиду потребностей А. Маслоу [Maslow, 1954]. Каждый уровень потребностей описан несколькими кодами. Базовые потребности включают выживание, материальный минимум, безопасность, здоровье и приемлемые экологические условия

² Вторым результатом качественного этапа стали размеченные кодами документы, которые впоследствии превратились в базу данных в форматах Excel и SPSS.

³ Социальная политика СССР пренебрегала эмоциональными потребностями людей, в результате чего в службах социального призрения сложилась дегуманизованная культура.

Таблица 1. Коды контент-анализа, описывающие потребности детей в документах социальной политики РФ, 1995–2018 гг.

Уровни потребностей	Коды и корни ключевых слов
Базовые потребности	<p>Выживание (смертн, выживан, суицид)</p> <p>Материальный минимум (питан, одежд, жиль, бедн, доход, алимент)</p> <p>Безопасность (безопасн, опасн, риск, вред, напряжен, жесток, насил, преступ, кримин, эксплуат, суицид, порнограф, секс, нарко, алко, табач, курен, травм)</p> <p>Здоровье (здоров, здраво, медиц, лечен, заболева, диспансер, инвалид)</p> <p>Экологические условия жизни (эколог, загрязн, окружающ)</p>
Потребности среднего уровня	<p>Потребность в принадлежности (сирот, отказ, возврат, усын, попеч)</p> <p>Признание и уважение детей (неприкосн, честь, достоин, личн, вправе)</p>
Высшие потребности	<p>Познавательное развитие (образова, обуч, творч, интеллект)</p> <p>Эстетическое развитие (культур, эстет, худож, творч, искусств)</p> <p>Физическое развитие и отдых (спорт, физкульт, физич, туризм, отдых, санатор, курорт, лагерь)</p> <p>Досуг (досуг, игр, зрелищ, праздн)</p>

жизни. Потребности среднего уровня — это потребности в принадлежности, признании и уважении. Потребности высшего уровня включают познавательное, эстетическое развитие, досуг, физическое развитие и отдых.

Коды присваивались абзацам в результате поиска по нескольким корням ключевых слов: например, кодом «выживание» помечались абзацы, в которых присутствовали корни «смертн», «выживан», «суицид». Если при прочтении текста встречался абзац, в котором о проблеме жизни и смерти детей говорилось иными словами, ему тоже присваивался код «выживание». В строках табличной базы данных располагались пронумерованные абзацы из всех документов; в столбцы заносились отметки по каждому коду (1 — если абзац помечен кодом, 0 — если не помечен). Коды и корни ключевых слов, описывающих потребности детей, перечислены в табл. 1.

Вторая группа кодов — заявленные государством нормы обращения с детьми и одобряемые ценности воспитания. При ее составлении мы отчасти опирались на типологию ценностей Ш. Шварца [Schwartz, 2006] и на исследования Р. Инглхарта [2018]. Коды этой группы перечислены в табл. 2.

Ценности универсализма описываются тремя кодами: «ориентация на мировой опыт», «равенство», «признание и уважение детей». К гуманистическим ценностям относятся шесть кодов:

норма благополучия детей, доброжелательность государственных институтов к ним, способность государства замечать психологические проблемы и страдание детей, признавать их потребность в принадлежности к семье и трудность некоторых жизненных ситуаций для ребенка. Сюда мы отнесли и упоминания детского труда, поскольку в текстах они всегда связаны с мотивами защиты детей от эксплуатации и поддержки в профессиональном самоопределении.

К консервативным ценностям относятся два кода: упоминания ценностей сохранения и религии, а также нравственности (нравственность и духовность всегда упоминаются в контексте традиционных ценностей). О ценности индивидуализации свидетельствует упоминание четырех кодов: поддержка личного начала в ребенке, признание необходимости индивидуализированного подхода к разным категориям детей, категоризация детей как таковая и поощрение автономистских качеств — самостоятельности и ответственности. О чувствительности к переменам можно судить по присутствию в государственной риторике сравнительных понятий времени. В этот показатель включены три кода: социальные изменения, нововведения в социальной политике и стабилизация.

Среди наших показателей и кодов нет ценностей самоутверждения. Тексты, безусловно, насыщены ими, поскольку «говорят» от имени власти, предполагают высокие полномочия государства в управлении семьей. Однако в число воспитательных ценностей самоутверждение ребенка не входит, хотя государство и выказывает определенный интерес к талантливым и ответственным детям с «активной жизненной позицией».

Третья группа эмпирических показателей — это меры социальной политики, которые государство применяет к детям или связанным с ними социальным группам и институтам. Эти коды в основном представляют собой глаголы или отглагольные существительные — слова-действия, перформативные высказывания в терминологии известного лингвиста Дж. Остина⁴. В табл. 3 перечислены коды, относящиеся к трем типам методов. Стимулирующие методы включают коды поддержки, защиты, доступа к тем или иным благам и реабилитации; в методы приведения к норме входят: воспитание, просвещение, профилактика; к запретительным методам относятся: контроль, ограничения для детей, противодействие, наказание и суд. Для классификации методов используется типология А. А. Ивина [Ивин, 1998].

⁴ Один из самых известных примеров перформативного высказывания — слова государственного служащего или священника «Объявляю вас мужем и женой», после которых брак считается заключенным. Очевидно, что в законодательстве высок удельный вес таких высказываний [Остин, 1999].

Таблица 2. Коды контент-анализа, описывающие ценности воспитания и нормы обращения с детьми в документах социальной политики РФ, 1995–2018 гг.

Ценности и нормы	Коды и корни ключевых слов
Универсализм	Ориентация на мировой опыт (европ, ООН, ЮНИСЕФ, конвенц, всемирн, общемир, миров, общепризн, междунар) Равенство ((не)равен, (не)равн, доступ, кажд, всеобщ, дискримин, инклюз, исключ, толерант, ксенофоб, нетерпим, расслоен) Признание и уважение детей (неприкосн, честь, достоин, личн, вправо)
Консерватизм	Ценности сохранения и религия (традиц, народ, религ, конфес, патриот, законопослуш, поколен, многодет) нравственность (ценност, духовн, нравств, морал, этич)
Гуманность	Благополучие (благополуч, неблагополуч, полноцен, нормаль) Доброжелательность (комфорт, доброж, дружествен, гуман, удоб) Психика, страдание (психол, эмоц, страда, жертв, травм) Потребность в принадлежности (сирот, отказ, возврат, усын, попеч) Трудная жизненная ситуация (трудн, жизнен, уязвим, девиант, отклон, повед) Труд детей (труд, работ, трудоустр, профес, занят)
Индивидуализация	Индивидуализация и субъектность (личност, склонност, индивид, потенциал, самореализац, индивид, специализ, дифферен, вариат, гибк) Самостоятельность (инициатив, самостоят, участ, решен) Ответственность (ответств) Категоризация детей (новорожд, девоч, мальч, школьн, дошкольн, подрост, возраст, несовершеннолет, талант, одарен, инвалид, мигрант, беженц, сирот)
Чувствительность к переменам	Социальные изменения, влияющие на положение детей (соврем, нов, актуал, отстав, рост, устар, резк, ухудш, улучш, сокращ, увелич, сниж, повыш, резк, быстр, тенденц) Нововведения в социальной политике (нов, соврем, инновац, внедр, модерниз, реформ, расшир, развит) Стабилизация (стабил, устойчив, неизмен, укреп, закреп, сохран)

На основе групп кодов, приведенных в табл. 1–3, мы построили 11 индексов, подразделяющихся на три группы:

- 1) индексы потребностей (общий, базового, среднего и высшего уровней);
- 2) ценностно-нормативные индексы (универсализма, гуманности, консерватизма, индивидуализации, чувствительности к социальным изменениям);
- 3) индексы методов социальной политики (стимулирования, запретов, приведения к норме).

Таблица 3. Коды контент-анализа, описывающие методы социальной политики в отношении детей в нормативных документах РФ, 1995–2018 гг.

Методы социальной политики	Коды и корни ключевых слов
Стимуляция	Поддержка (поддерж, помощ, забот, содейств) Защита (защит, охран, гарант) Доступ ((не)доступ, барьер, лифт, инклюз, исключ) Реабилитация (реабилит, адаптац, коррекц, восстанов)
Приведение к норме	Воспитание (воспит, социализ) Просвещение (пропаганд, агит, кампан, просвет(щ), информ) Профилактика (профилак, предотвращ, предупред)
Запреты	Контроль (контрол, блокир) Ограничения для детей (безнадзор, вред, ноч, недопущ, огранич) Противодействие (противодейс, борьб, остано, искорен, преодол) Наказание (наказан, лишен, огранич) Суд (судеб, правосуд)

Каждый индекс — это сумма значений по соответствующему набору кодов, поделенная на количество кодов в наборе. Индексы изменяются от 0 до 1. Поскольку единицей анализа служит абзац, а документ является суммой абзацев, можно вычислять средние значения индексов в каждом документе. Мы проводим множественные сравнения текстовых массивов методом однофакторного дисперсионного анализа. Для определения значимости различий между массивами применяется апостериорный тест Тамхейна⁵.

3. Результаты исследования
3.1. Представления государства о потребностях детей

Источниками информации для нашего исследования служат документы 1995, 1998, 2012, 2014 и 2018 гг. Каждый документ представляет самостоятельный интерес как выражение того или иного «течения» в социальной политике в отношении детей. При этом их можно сгруппировать по дате принятия, а также сравнить документы разных жанров — законы и программы социальной политики. Значения индексов потребностей в отдельных документах приведены в табл. 4, в группах документов — в табл. 4.1.

Национальный план действий в интересах детей, разработанный и принятый в 1995 г. как элемент реализации Конвенции ООН

⁵ Тест Тамхейна используется потому, что не предполагает равенства дисперсий сравниваемых групп. Во всех рассматриваемых случаях дисперсии оказались не равны между собой. Об этом свидетельствует статистика Ливиня, значимость которой во всех рассматриваемых случаях оказалась $\leq 0,005$.

о правах ребенка и Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей, отличается высоким средним значением общего индекса потребностей и лидирует по значению индекса базовых потребностей. Концентрация на нижней строке пирамиды потребностей — на обеспечении выживания, минимума материального достатка, безопасности и здоровья, а также приемлемой экологии — раскрывает откровенно бедственное положение страны в это время. Основные задачи социальной политики 1990-х годов — обеспечить физическое выживание детей, избежать недоедания и эпидемий. Нечем накормить, не во что одеть, нечем лечить и негде учить — вот задачи, связанные с детьми, которые необходимо решить. В плане неоднократно упоминается быстрый темп социальных изменений⁶. Выдержки из текста:

Проблема обеспечения детей полноценным питанием признана приоритетной на государственном уровне [НПД 1995, строки 927–928].

Выпуск чулочно-носочных изделий и обуви для детей сократился в 1994 г. по сравнению с 1993 г. на 50% [НПД 1995, строки 42–44].

Резко сократилось число учащихся, имеющих возможность пользоваться услугами столовых в течение учебного дня [НПД 1995, строки 895–896].

В Национальном плане подробно обрисованы угрозы жизни детей. Среди них: эксплуатация детского труда взрослыми без соблюдения трудового законодательства; вовлечение детей в преступную деятельность, проституцию; жестокость и насилие по отношению к детям. Документу присущ высокий уровень проблемной категоризации детей (беженцы, инвалиды, жертвы экологических катастроф, дети Севера и т.д.): маргинальные группы наиболее заметны и, следовательно, индивидуализированы для государства. Благополучные дети классифицируются либо по возрасту, либо по типу посещаемого образовательного учреждения и остаются безликими для законодателей.

План 1995 г. призывает к ликвидации откровенного зла и признает, что у государства в данный момент сил на борьбу со злом не хватает. До более «мирных» задач воспитания у создателей плана не доходят руки, хотя в нем есть разделы, посвященные реализации высших потребностей. Внимание государства

⁶ По индексу чувствительности к переменам Национальный план 1995 г. превосходит все остальные документы (см. табл. 5).

в 1995 г. сосредоточено на телесных потребностях ребенка. Его психоэмоциональное состояние и климат в группах, к которым он принадлежит, остаются «мертвой зоной», как это было и в советской социальной политике [Романов, Ярская-Смирнова, 2008; Дисней, 2017].

Национальная стратегия действий в интересах детей 2012 г. лучше всего «замечает» потребности среднего уровня, а именно потребности в принадлежности и любви, в признании и уважении (табл. 4). Продолжая миссию Национального плана 1995 г., она контрастирует с ним по представлению проблематики детства. Для Стратегии выживание ребенка в целом априорно: из документа исчезают голод и недоедание, беженцы, экологические катастрофы, мясные консервы и прочие грубо материальные сюжеты. В Стратегии заложен более высокий уровень экзистенциальной безопасности, чем в Плане 1995 г. (а это, по Инглхарту, является одним из мощных толчков к модернизации). При этом нельзя утверждать, что государственные структуры стали хуже «видеть» детей как социальную группу. В тексте появляются слова, указывающие на фокусировку этого «взгляда»: «скрытая одаренность», «скрытое неблагополучие», «раннее выявление». Стратегия уделяет много внимания проблеме сиротства и усыновления, акцентирует важность семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Цель этого документа — эмансипация ребенка, внедрение мировых стандартов и норм обращения с ним.

Концепция семейной политики 2014 г. характеризуется самым низким значением общего индекса потребностей. По тесту Тамхейна, этот документ значительно отличается от трех других по данному показателю. И базовые, и высшие потребности детей редко упоминаются в Концепции. По индексу потребностей среднего уровня она занимает промежуточное положение, поскольку затрагивает проблему сиротства. Еще на стадии общественного обсуждения Концепции семейной политики Т. А. Гурко отмечала расплывчатость ее объекта: непонятно, направлен ли документ на семьи с детьми или на все типы семей [Гурко, 2013]. В любом случае концепция, как и ее модель семьи, не детоцентрична.

Федеральный закон о правах ребенка № 124-ФЗ в версии 2018 г. лидирует по значению общего индекса детских потребностей, однако значительно отличается только от Концепции семейной политики. Как видно из табл. 4, высокое значение общего индекса детских потребностей достигается за счет частого упоминания высших и базовых потребностей. Этот рост произошел за счет включения в закон нескольких поправок. Так, в 2009 г. в закон была включена ст. 14.2 «Меры по содействию физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному

Таблица 4. **Описательные статистики индексов детских потребностей, упоминаемых в документах социальной политики РФ, 1995–2018 гг.** (число рассмотренных абзацев — 1060)

Индексы потребностей детей	Документы	Среднее	Среднеквадратичное отклонение	Значимость T2 Тамхейна*	Число абзацев
Общий индекс	4 Концепция семейной политики 2014	0,05	0,062	0,000 с 3, 1, 5	196
	2 ФЗ № 124-ФЗ 1998	0,07	0,088	—	111
	3 Нац. стратегия 2012	0,08	0,072	0,000 с 4	379
	1 Нац. план 1995	0,09	0,089	0,000 с 4	255
	5 ФЗ № 124-ФЗ 2018	0,10	0,103	0,000 с 4	119
Индекс базовых потребностей	4 Концепция семейной политики 2014	0,06	0,092	0,000 с 1, 3	196
	2 ФЗ № 124-ФЗ 1998	0,08	0,127	< 0,04 с 1, 5	111
	3 Нац. стратегия 2012	0,10	0,128	< 0,002 с 1, 4	379
	5 ФЗ № 124-ФЗ 2018	0,13	0,161	< 0,04 с 2, 4	119
	1 Нац. план 1995	0,14	0,167	< 0,005 с 2, 3, 4	255
Индекс потребностей среднего уровня	5 ФЗ № 124-ФЗ 2018	0,03	0,126	0,001 с 3	119
	1 Нац. план 1995	0,04	0,141	0,001 с 3	255
	2 ФЗ № 124-ФЗ 1998	0,06	0,167	—	111
	4 Концепция семейной политики 2014	0,06	0,167	—	196
	3 Нац. стратегия 2012	0,10	0,2	0,001 с 1, 5	379
Индекс высших потребностей	4 Концепция семейной политики 2014	0,04	0,117	0,001 с 5	196
	3 Нац. стратегия 2012	0,05	0,106	0,001 с 5	379
	1 Нац. план 1995	0,05	0,115	0,009 с 5	255
	2 ФЗ № 124-ФЗ 1998	0,07	0,125	—	111
	5 ФЗ № 124-ФЗ 2018	0,10	0,135	> 0,01 с 1, 3, 4	119

* В столбце приведены значимые различия между текстами по результатам теста Тамхейна; для краткости записи всем документам присвоены номера, которые используются в столбце с результатами теста Тамхейна.

развитию детей», в которой речь идет о соответствующих потребностях. В 2016 г. в закон были внесены объемные поправки, посвященные регламентации детского отдыха в лагерях и оздоровительных учреждениях и требования к организаторам этого отдыха (ст. 5, 12, 12.1). Потребности детей в оздоровлении и физическом развитии с недавних пор регламентируются в законе настолько подробно, что он обгоняет другие источники по индексам базовых и высших потребностей. Складывается впечатле-

Таблица 5. **Описательные статистики индексов детских потребностей, упоминаемых в программах и законах о правах детей 1990-х и 2010-х годов** (число рассмотренных абзацев — 1060)

Индексы потребностей	Период	Среднее	Среднекв. отклон.	Число абзацев	Жанр документа	Среднее	Среднекв. отклон.	Число абзацев
Общий	1990-е	0,08	0,089	366	Программы*	0,07	0,077	830
	2010-е	0,07	0,077	694	Законы*	0,09	0,097	230
Базового уровня	1990-е*	0,12	0,159	366	Программы	0,10	0,138	830
	2010-е*	0,09	0,128	694	Законы	0,11	0,148	230
Среднего уровня	1990-е*	0,05	0,149	366	Программы*	0,07	0,177	830
	2010-е*	0,08	0,181	694	Законы*	0,05	0,147	230
Высшего уровня	1990-е	0,06	0,118	366	Программы*	0,05	0,111	830
	2010-е	0,05	0,116	694	Законы*	0,08	0,131	230

* Значимые различия между группами по *t*-критерию (с учетом соотношения дисперсий).

ние, что в законе обсуждается не столько право детей на отдых, сколько права и обязанности различных организаций, оказывающих детям услуги по оздоровлению.

При этом значение индекса потребностей среднего уровня в законе о правах ребенка ниже, чем в других документах. Снижение произошло за счет исключения в 2004 г. из закона ряда статей и абзацев, в частности сокращения статьи о детях, находящихся в трудной жизненной ситуации (ст. 15), упразднения ст. 17–20 об организациях, осуществляющих деятельность по защите прав и законных интересов детей, о государственной поддержке производства товаров и услуг для детей, о целевых программах поддержки детства.

Если сравнить средние значения индексов потребностей для документов 1990-х и 2010-х годов по *t*-критерию, мы увидим, что со временем произошли статистически значимое снижение индекса базовых потребностей (*sig.* = 0,001) и значимый рост индекса потребностей среднего уровня (*sig.* = 0,011). Учет высших потребностей детей остался примерно на том же уровне (табл. 5). Таким образом, в 2010-е годы государство стало меньше беспокоиться о самых насущных потребностях детей, поскольку сочло, что теперь они лучше удовлетворяются, и стало уделять больше внимания потребностям более высокого уровня.

Что касается различий между документами разных жанров, оказалось, что в действующих законах значимо чаще упоминаются высшие потребности детей (*sig.* = 0,000), да и общий индекс упоминаемых потребностей выше, чем в «разговорных»

рамочных документах ($\text{sig.} = 0,043$). При этом индекс потребностей среднего уровня в законах ниже, чем в планах и концепциях ($\text{sig.} = 0,039$). Судя по нашим данным, на деле государство мобилизовано на улучшение положения детей — удовлетворение их потребностей в образовании, физическом развитии и отдыхе — даже больше, чем на словах. Однако личностное и эмоциональное благополучие — предмет скорее для обсуждений, чем для действий законодателей.

Ценностно-нормативное содержание документов социальной политики неоднородно, что заметно и при чтении, и по результатам количественного анализа текстов. Это означает, что в социальной политике сосуществуют модернистские и консервативные течения, попеременно «высказывающиеся» в разных текстах.

Выражением модернистских ценностей, несомненно, является *Национальная стратегия действий в отношении детей* (табл. 6). Она лидирует по значениям индексов универсализма (в который входят коды «равенство», «ориентация на мировой опыт», «признание и уважение детей»), индивидуализации (упоминания личностного начала, индивидуальности, автономистских качеств и просто категоризация детей); гуманности (упоминаний о доброжелательности к детям, их благополучии, страданиях и трудных жизненных ситуациях, о детском труде и потребности детей в семье). Она статистически значимо отличается от большинства других документов по этим индексам.

Стратегия содержит новую для России риторику: понятия дружественного правосудия, восстановительного подхода, примирения, раннего выявления неблагополучия, партнерства во имя ребенка, детствосбережения, уязвимости, инклюзии и т.д. Она констатирует ценность равенства — гендерного, этнического, конфессионального, связанного с состоянием здоровья. В Стратегии много ссылок на европейские нормативные документы: постановления Комитета ООН по правам ребенка, Совета Европы, Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ).

В документе впервые констатируется право ребенка быть услышанным [Калабихина, Кучмаева, 2014]. Предлагается предоставить детям возможность участвовать в принятии общественно важных решений по вопросам, затрагивающим их интересы. Наделение детей условно взрослыми правами — попытка их эмансипации или же нормативной трансмобильности. Авторы Стратегии сомневаются в осуществимости этого процесса, называя его риски:

Процесс расширения участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, сопровождается следующими рисками: усиление формализма, недооценка возможностей и заниженные ожидания результатов участия детей в принятии

Ценности воспитания и нормы обращения с детьми в социальной политике

решений; дискриминация определенных групп детей <...>; усиление элитизма <...>; массовая пассивность, разочарованность детей; нарушение принципа приоритета развития ребенка и принципа добровольности его участия в принятии решений; нарушение конфиденциальности в отношении ребенка и стремление взрослых манипулировать его мнением (Национальная стратегия 2012, строка 405).

Предлагаемые инициативы по созданию ритуалов с участием детей легко могут деградировать до бутафорской модели пионерского слета, принимающего никем не слышимые решения. По оценкам экспертов, анализирующих результативность данного направления Стратегии, право детей на участие в принятии решений остается формальностью даже на уровне статистического мониторинга, в котором попросту нет соответствующих показателей [Калабихина, Кучмаева 2014].

Несмотря на приоритет семейного воспитания, Национальная стратегия 2012 г. предлагает усилить контроль над семьей для предотвращения жестокого обращения с детьми и раннего выявления неблагополучия, давая ребенку право жаловаться на членов семьи представителям государства. Это положение Стратегии вызвало резкую критику экспертов, считающих, что от избыточного контроля будут страдать вполне благополучные семьи [Швабауэр, 2017]. Публикации в западных СМИ свидетельствуют, что такая проблема действительно существует⁷.

Вскоре после утверждения Стратегии социальная политика в отношении детей существенно изменилась. Спустя полгода, в декабре 2012 г., был принят закон № 272-ФЗ, запрещающий международное усыновление российских сирот. В более поздних документах — *Концепции семейной политики* и в активно редактируемом в «нулевые» и 2010-е годы ФЗ № 124 о гарантиях прав ребенка — предложений о детской эмансипации уже нет. Более того, в федеральном законе урезаются права учащихся на выражение своего мнения по поводу образовательного процесса и действий администрации образовательных учреждений. В оригинальной версии ФЗ № 124 (в п. 3 ст. 9) подробно описывались эти права: ходатайствовать перед администрацией о проведении расследования деятельности сотрудников образовательного учреждения (в котором могли бы участвовать и дети); обращаться за помощью в государственные органы; проводить собрания и митинги по вопросам защиты своих нарушенных прав. Однако поправка 2013 г. исключает эти возможности,

⁷ Brooks K. Motherhood in the Age of Fear: Women Are Being Harassed and Even Arrested for Making Perfectly Rational Parenting Decisions // New York Times. 27.07.2018. <https://www.nytimes.com/2018/07/27/opinion/sunday/motherhood-in-the-age-of-fear.html>

Таблица 6. **Описательные статистики ценностно-нормативных индексов в документах социальной политики РФ, 1995–2018 гг.** (число рассмотренных абзацев — 1060)

Ценностно-нормативные индексы	Документы	Среднее	Среднекв. отклонение	Значимость T2 Тамheyна*	Число абзацев
Индекс универсализма	1 Нац. план 1995	0,02	0,088	< 0,05 с 2, 3	255
	4 Концепция семейной политики 2014	0,03	0,094	0,000 с 3	196
	5 ФЗ № 124-ФЗ 2018	0,05	0,150	0,008 с 3	119
	2 ФЗ № 124-ФЗ 1998	0,07	0,171	0,041 с 1	111
	3 Нац. стратегия 2012	0,11	0,191	< 0,01 с 1, 4, 5	379
Индекс консерватизма	1 Нац. план 1995	0,02	0,106	< 0,02 с 4, 5	255
	3 Нац. Стратегия 2012	0,04	0,154	0,005 с 4	379
	2 ФЗ № 124-ФЗ 1998	0,06	0,221	—	111
	5 ФЗ № 124-ФЗ 2018	0,11	0,277	0,014 с 1	119
	4 Концепция семейной политики 2014	0,12	0,298	≤ 0,005 с 1, 3	196
Индекс индивидуализации	5 ФЗ № 124-ФЗ 2018	0,05	0,134	0,000 с 3	119
	2 ФЗ № 124-ФЗ 1998	0,08	0,182	—	111
	1 Нац. план 1995	0,08	0,131	0,000 с 3	255
	4 Концепция семейной политики 2014	0,10	0,150	< 0,04 с 3	196
	3 Нац. стратегия 2012	0,14	0,162	< 0,04 с 1, 2, 4, 5	379
Индекс гуманности	4 Концепция семейной политики 2014	0,04	0,077	0,000 с 3	196
	2 ФЗ № 124-ФЗ 1998	0,04	0,083	0,008 с 3	111
	5 ФЗ № 124-ФЗ 2018	0,04	0,094	0,023 с 3	119
	1 Нац. план 1995	0,06	0,107	—	255
	3 Нац. стратегия 2012	0,08	0,116	≤ 0,023 с 2, 4, 5	379
Индекс чувствительности к переменам	5 ФЗ № 124-ФЗ 2018	0,01	0,060	0,000 с 1, 3, 4	119
	2 ФЗ № 124-ФЗ 1998	0,02	0,081	0,000 с 1, 3, 4	111
	3 Нац. стратегия 2012	0,13	0,181	≤ 0,001 с 1, 2, 5 и 0,016 с 4	379
	4 Концепция семейной политики 2014	0,18	0,200	0,000 с 2, 5 и 0,016 с 3	196
	1 Нац. план 1995	0,19	0,209	≤ 0,001 с 2, 3, 5	255

* В столбце приведены значимые различия между текстами по результатам теста Тамheyна; для краткости записи всем документам присвоены номера, которые используются в столбце с результатами теста Тамheyна.

оставляя за школьниками лишь право создания общественных объединений (неполитических и нерелигиозных), а также право обращаться в комиссию по урегулированию споров между участниками образовательных отношений. Таким образом, мы имеем дело с разнонаправленными трендами в социальной политике в отношении детей — риторическими предложениями по расширению их прав и одновременным их сокращением в действующем законодательстве.

С ограничительным трендом согласуются и высокие значения индекса консерватизма в наиболее свежих документах — Концепции семейной политики и ФЗ № 124 в редакции от 18 апреля 2018 г. (табл. 6). В тексте федерального закона консервативные высказывания в основном представляют собой ограничения, направленные на охрану детской нравственности. В Концепции это идеализированные описания традиционной семьи:

Большая многопоколенная семья в традиционной российской семейной культуре всегда была основным типом семьи, в которой были налажены тесные взаимосвязи между несколькими поколениями родственников. Воспитательная стратегия в такой семье традиционно была направлена на формирование у младшего поколения духовно-нравственных, этических ценностей и основана на уважении к родителям, а также людям старшего поколения (Концепция семейной политики 2014, строки 104–105).

Консервативность таких фрагментов текста настолько очевидна, что эксперты называют их анахронизмами [Гурко, 2013⁸]. В отличие от Стратегии, универсалистские отсылки в этих двух документах встречаются редко, причем слово «мировой» там непременно ставится после слова «отечественный»⁹. По индексу гуманности они также находятся на низком уровне. Среднее значение индекса индивидуализации для Концепции семейной политики довольно высокое, что достигается за счет высокой частоты упоминаний категорий детей, а также поддержки ценностей самостоятельности и ответственности применительно как к детям, так и к родителям. И современная версия ФЗ № 124, и особенно Концепция семейной политики вписываются в тренд на архаизацию, замеченный исследователями в «пронаталистском» законодательстве после 2006 г. [Сакевич, Денисов, 2017].

⁸ Несмотря на критику, высказанную на этапе обсуждения Концепции в 2013 г., идеализированные описания сохранились в ее окончательном варианте, утвержденном в 2014 г.

⁹ По данным Э. Лившиц [2008], накануне «холодной войны» в документах советской образовательной политики исчезли отсылки к западным моделям.

Если сопоставить средние значения ценностных индексов в 1990-е и 2010-е годы по t -критерию для независимых выборок (табл. 7), мы увидим, что и индекс универсализма, и индекс консерватизма с годами значимо выросли ($\text{sig.} = 0,000$ и $0,001$ соответственно). Это означает, что российское государство интенсивно знакомится с мировым опытом в социальной политике и вырабатывает свое отношение к нему, в том числе критическое. Кроме того, произошел значимый рост по индексу индивидуализации ($\text{sig.} = 0,004$). Что касается индекса гуманности, хронологические изменения в нем оказались статистически незначимыми, несмотря на появление «доброжелательной» риторики в текстах. В целом термин «консервативная модернизация» точно описывает российское государство в его отношении к детству.

Значения ценностно-нормативных индексов в документах разных жанров, приведенные в табл. 7, показывают, что в программах дети показаны более индивидуализированно, чем в законодательстве ($\text{sig.} = 0,000$). Кроме того, в законах ниже индекс гуманности ($\text{sig.} = 0,008$), чем в «риторических» документах. Отчасти эти различия обусловлены социальной функцией права, предполагающего безэмоциональность и равенство людей перед законом.

При этом ценности универсализма, к которым относятся и ценность равенства, и ориентация на мировой опыт, и признание прав детей, в законах и программах выражены в равной степени, что говорит о высокой укорененности ценности равенства в дискурсе социальной политики и о ценностном консенсусе среди современных законодателей.

«Риторические» документы социальной политики намного более чувствительны к переменам, чем законы ($\text{sig.} = 0,000$). На словах, т. е. в программах социальной политики, российское государство демонстрирует мобилизацию и готовность улавливать дух времени. На деле же, т. е. в законодательстве, сохраняется невозмутимость по отношению к внешним пертурбациям.

Последняя группа индексов характеризует методы социальной политики в отношении детей и связанных с ними взрослых. Напомним, что эти методы подразделяются на запретительные, стимулирующие и приводящие к норме. К запретительным методам относятся контроль, ограничения для детей, противодействия, наказание и суд. Стимулирующие методы представлены поддержкой, защитой, доступом и реабилитацией. Методы, приводящие к норме, включают воспитание, просвещение и профилактику. Упоминание методов в разных документах показано в табл. 8.

Среднее значение индекса запретов оказалось минимальным в Концепции семейной политики 2014 г. и в Национальном плане 1995 г. Максимальное количество запретов в совре-

**Методы социальной
политики
в отношении детей**

Таблица 7. **Описательные статистики ценностно-нормативных индексов в программах и законах о правах детей, в 1990-е и 2010-е годы** (число рассмотренных абзацев — 1060)

Ценностно-нормативные индексы	Период	Среднее	Среднекв. отклон.	Число абзацев	Жанр документа	Среднее	Среднекв. отклон.	Число абзацев
Универсализм	1990-е*	0,04	0,121	366	Программы	0,06	0,151	830
	2010-е*	0,08	0,166	694	Законы	0,06	0,160	230
Индивидуализм	1990-е*	0,08	0,148	366	Программы*	0,11	0,152	830
	2010-е*	0,11	0,157	694	Законы*	0,07	0,159	230
Гуманность	1990-е	0,05	0,100	366	Программы*	0,06	0,106	830
	2010-е	0,06	0,104	694	Законы*	0,04	0,089	230
Консерватизм	1990-е*	0,03	0,151	366	Программы*	0,05	0,191	830
	2010-е*	0,07	0,229	694	Законы*	0,08	0,252	230
Чувствительность к переменам	1990-е	0,14	0,197	366	Программы**	0,16	0,197	830
	2010-е	0,12	0,182	694	Законы**	0,02	0,071	230

* Значимые различия групп по *t*-критерию (с учетом соотношения дисперсий).

менной версии ФЗ № 124 о правах ребенка (в ред. от апреля 2018 г.). По этому показателю Концепция и федеральный закон противопоставлены друг другу — хотя, как было показано выше, они ценностно близки. Однако авторы Концепции предпочитают приведение к норме (моральный инструктаж) как запретам, так и стимулированию. В законе же индекс приведения к норме минимален, а стимулирование и запреты, напротив, выражены значимо сильнее по сравнению с другими документами. В версии ФЗ № 124 двадцатилетней давности запретов было значимо меньше, стимулирование использовалось примерно так же часто, а методы, приводящие к норме, использовались значимо чаще.

Часть запретов, упоминаемых сегодня в законе, адресована не детям, а взрослым, которые нарушают их права (например, ст. 14.2 о противодействии торговле детьми и их эксплуатации). Напрямую к детям относятся: ст. 15 о защите прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации и/или в конфликте с законом; ст. 14.1 о комендантском часе. Эти статьи напоминают о советских образовательных реформах 1940-х годов, вернувших в советские школы нормы дореволюционных гимназий, такие как раздельное обучение и контроль за нахождением детей в общественных местах и правила поведения, подчеркивав-

шие субординированное положение учащихся [Лившиц, 2008]. Сюда же относится контроль за «моральным обликом», прописанный в ст. 14 о защите от вредной информации:

«Органы государственной власти Российской Федерации принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от национальной, классовой, социальной нетерпимости, от рекламы алкогольной продукции и табачных изделий, от пропаганды социального, расового, национального и религиозного неравенства, от информации порнографического характера, от информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения, а также от распространения печатной продукции, аудио- и видеопроизведений, пропагандирующей насилие и жестокость, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение» [№ 124–ФЗ, ст. 14, п. 1, ред. 2011–13 гг.].

Приведенная выдержка из федерального закона ценностно противоречива: с одной стороны, в ней продвигается ценность равенства по широкому набору критериев, с другой — обозначена сфера, где равенство невозможно и действуют жесткие ограничения (сексуальность). В Концепции семейной политики о сексуальности не сказано ни слова, несмотря на то что объект этого документа — социальный институт, регулирующий сексуальные отношения. Подростки с нетрадиционной сексуальной ориентацией для этого документа не существуют. Как объясняет один из экспертов, «данное направление неактуально и не востребовано в нашей стране в сфере детства» [Семья, 2016]. В Национальной стратегии 2012 г., как и в Национальном плане 1995 г., сексуальные отношения упоминаются только в связи с проблемой насилия над детьми. Проблема абортот у несовершеннолетних, затрагиваемая как в Концепции 2014 г., так и в Стратегии 2012 г., относится к другому смысловому полю.

Включение пункта о защите от пропаганды нетрадиционных отношений в федеральный закон является отступлением от общей линии социальной политики, игнорирующей тему сексуальности. Здесь нормативные представления законодателей расходятся с представлениями россиян: массовые опросы в нашей стране фиксируют последовательный рост толерантности к гомосексуализму [Магун, Фабрикант, 2014].

Запреты — единственный метод социальной политики в отношении детей, который стал значительно чаще использоваться в 2010-е годы, причем на деле больше, чем на словах (табл. 9, sig. = 0,001 и 0,000). Рост этого показателя говорит об усилении государственного контроля над детьми и связанными с ними взрослыми. Контроль может усиливаться и в высокомодерни-

Таблица 8. **Описательные статистики индексов методов социальной политики в отношении детей в законодательстве РФ, 1995–2018 гг.** (число рассмотренных абзацев — 1060)

Индексы методов социальной политики	Документы	Среднее	Среднекв. отклон.	Значимость T2 Тамхейна*	Число абзацев
Индекс запретов	4 Концепция сем. политики 2014	0,02	0,055	< 0,006 с 3, 5	196
	1 Нац. план 1995	0,02	0,066	< 0,03 с 3, 5	255
	2 ФЗ № 124-ФЗ 1998	0,03	0,074	0,002 с 5	111
	3 Нац. стратегия 2012	0,04	0,091	< 0,03 с 1, 4, 5	379
	5 ФЗ № 124-ФЗ 2018	0,08	0,128	≤ 0,012 с 1, 2, 3, 4	119
Индекс стимулирования	4 Концепция сем. политики 2014	0,12	0,155	≤ 0,001 с 2, 5	196
	1 Нац. план 1995	0,13	0,172	≤ 0,004 с 2, 5	255
	3 Нац. стратегия 2012	0,15	0,176	0,001 с 2 и 0,044 с 5	379
	2 ФЗ № 124-ФЗ 2018	0,21	0,205	≤ 0,001 с 1, 3, 4	119
	5 ФЗ № 124-ФЗ 1998	0,23	0,178	< 0,05 с 1, 3, 4	111
Индекс приведения к норме	5 ФЗ № 124-ФЗ 2018	0,06	0,128	≤ 0,05 с 2, 4	119
	1 Нац. план 1995	0,07	0,15	—	255
	3 Нац. стратегия 2012	0,1	0,168	0,032 с 5	379
	2 ФЗ № 124-ФЗ 1998	0,11	0,192	—	111
	4 Концепция сем. политики 2014	0,11	0,168	0,022 с 5	196

* В столбце приведены значимые различия между текстами по результатам теста Тамхейна; для краткости записи всем документам присвоены номера, которые используются в столбце с результатами теста Тамхейна.

Таблица 9. **Описательные статистики методов социальной политики в отношении детей в программах и законах 1990-х и 2010-х годов** (число рассмотренных абзацев — 1060)

Индексы методов социальной политики	Период	Среднее	Среднекв. отклон.	Число абзацев	Жанр документа	Среднее	Среднекв. отклон.	Число абзацев
Запреты	1990-е*	0,02	0,069	366	Программы*	0,03	0,077	830
	2010-е*	0,04	0,092	694	Законы*	0,05	0,108	230
Стимулирование	1990-е	0,16	0,179	366	Программы*	0,13	0,170	830
	2010-е	0,15	0,178	694	Законы*	0,22	0,192	230
Приведение к норме	1990-е	0,08	0,164	366	Программы	0,09	0,163	830
	2010-е	0,10	0,163	694	Законы	0,08	0,163	230

* Значимые различия групп по *t*-критерию (с учетом соотношения дисперсий).

зированных, и в консервативных обществах. Однако ценностные основания контроля в них различаются. В развитых странах жестко контролируется благополучие ребенка и его поднадзорность, причем давление на семью с требованием следить за ребенком может быть очень сильным¹⁰. По отношению к самим детям там чаще применяются методы, приводящие к норме, такие как просвещение и профилактика. В странах консервативных или находящихся на более ранней ступени модернизации предметом контроля является скорее нравственная чистота ребенка, сохранение в нем одобряемых государством ценностей. В российской социальной политике действуют оба типа контроля, на данный момент с перевесом в пользу консервативного варианта.

При этом программные документы в целом отличаются более высокой индивидуализацией, гуманностью, чувствительностью к переменам по сравнению с законами. Они рисуют довольно сложную, многокомпонентную картину российского детства, и в этом смысле они модернизированы. Законы же значимо чаще запрещают, стимулируют и учитывают потребности детей в физическом развитии и здоровье — в общем, подходят к детской популяции по-пастушески упрощенно.

Проведенное исследование пяти нормативных документов позволяет судить о динамике отношения российского государства к детям. В нем сочетаются модернизационные и консервативные элементы. Модернизационный тренд последнего десятилетия выражается в том, что российские государственные структуры тщательно изучили международный опыт обращения с детьми и стали учитывать его в разработке собственных норм. Они продемонстрировали свою способность признать детей как социальных акторов и равноправных участников общественных процессов и даже пытаются распространять эту эмансипацию «сверху» на нижние этажи власти и на общество в целом. Можно утверждать, что оптика государства постепенно настраивается на более индивидуализированное восприятие детей как социальной группы. Государство отказывается от коллективных форм ухода за сиротами, признает потребность детей в принадлежности и любви. Оно поощряет в детях автономистские ценности, такие как самостоятельность и ответственность. Оно усиленно поддерживает ценность равенства, причем не в традиционных для советского властного дискурса терминах, а успешно освоив

4. Заключение

¹⁰ Brooks K. Motherhood in the Age of Fear: Women Are Being Harassed and Even Arrested for Making Perfectly Rational Parenting Decisions // New York Times. 27.07.2018. <https://www.nytimes.com/2018/07/27/opinion/sunday/motherhood-in-the-age-of-fear.html>

международную риторику (против дискриминации и ксенофобии, за толерантность и инклюзию). Однако эта поддержка не распространяется на область сексуальности и, таким образом, задает пределы равенства.

Консервативный тренд социальной политики в отношении детей выражается в статистически значимом росте поддержки традиционных ценностей — многопоколенной семьи, родительского авторитета и лояльности. С ним связаны изменения в действующем законодательстве: введение запретов и ограничений для детей, направленных на охрану их нравственности и контроль их поведения, а также сокращение их прав на выражение своего мнения в образовательных отношениях. Отсутствие значимого роста индекса гуманности (которого, казалось бы, можно было ожидать в результате реформ социальной политики) тоже свидетельствует о скорее консервативном характере этих изменений. При этом от родителей в России пока не требуется постоянно держать ребенка в поле зрения, как это происходит в некоторых развитых странах.

В гибридной модели социальной трансформации оба тренда являются социальными фактами — это то, с чем приходится считаться как приверженцам традиционных ценностей, так и сторонникам ценностей модерна. Важно, что в производстве социальной политики в отношении детей присутствуют и те и другие, служа ограничителями друг для друга. Однако модернизация в большей степени проявляется на «разговорном» уровне — в жанре программ социальной политики, которые рисуют детство как сложный социальный феномен. На законодательном же уровне эти представления редуцируются, на первый план выходят безопасность и телесное благополучие детей. Сложные идеи трансформируются в упрощенную стратегию, в которой доминируют запреты и стимуляция.

Литература

1. Арьес Ф. (1999) Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
2. Бендина О. (2007) «Чем ребят бранить и бить, лучше книжку им купить!»: дискурсы жестокого обращения с детьми в 1920–1930-е годы (на материалах Саратовской губернии) // П. Романов, Е. Ярская-Смирнова (ред.) Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М.: Вариант; ЦСПГИ. С. 392–413.
3. Бызов Л. Г. (2010) «Неоконсервативная волна» в современной России: фаза очередного цикла или стабильное состояние? // Мир России. № 1. С. 3–44.
4. Вершинина Д. Б. (2018) Традиционные ценности в государственной и общественной риторике России 2010-х годов: основные концепты и проблемы // Вестник Удмуртского ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. Т. 2. Вып. 4. С. 477–484.
5. Вишневский А. Г. (1998) Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ.

6. Григорьева И. А. (2017) Сто лет трансформаций социальной политики в России // Журнал исследований социальной политики. Т. 15. № 4. С. 497–514.
7. Гурко Т. А. (2013) О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: экспертная оценка // Социологическая наука и социальная практика. № 3. С. 33–52.
8. Девятко И. Ф., Абрамов Р. Н., Катерный И. В. (ред.) (2017) Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям. М.: Весь мир.
9. Дисней Т. (2017) Этнографический взгляд на роль эмоций в российском детском доме // Журнал исследований социальной политики. Т. 15. № 3. С. 407–420.
10. Зеликова Ю. А. (2012) Влияние социальной политики и родительских ценностей на семейное поведение и воспитание детей: межстрановой анализ // Журнал исследований социальной политики. Т. 10. № 3. С. 343–360.
11. Ивин А. А. (1998) Логика: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Знание.
12. Инглхарт Р. (2018) Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль.
13. Калабихина И. Е., Кучмаева О. В. (2014) Проблемы и перспективы мониторинга участия детей в реализации «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» // Журнал исследований социальной политики. Т. 14. № 4. С. 507–520.
14. Калверт К. (2009) Дети в доме: материальная культура раннего детства, 1600–1900. М.: Новое литературное обозрение.
15. Келли К. (2009) Товарищ Павлик: Взлет и падение советского мальчика-героя. М.: Новое литературное обозрение.
16. Левада Ю. А. (2000) От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований.
17. Лившиц Э. (2008) Дореволюционные по форме, советские по содержанию? Образовательные реформы в годы войны и послевоенные поиски нормы // Е. Ярская-Смирнова, П. Романов (ред.) Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М.: Вариант; ЦСПГИ. С. 151–173.
18. Магун В. С. (2011) Движение от традиционных семейных норм к современным: сравнение России и Франции // Вестник Института социологии. № 2. С. 107–116.
19. Магун В. С., Руднев М. Г. (2010) Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. № 4. С. 5–17.
20. Магун В. С., Фабрикант М. С. (2014) Семейные ценности россиян и европейцев // Демоскоп Weekly. № 613–614. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0613/tema01.php>
21. Мельвиль А. Ю. (2017) Неоконсервативный консенсус в России? Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии // Политика. № 1 (84). С. 29–45.
22. Окольская Л. А. (2017) Желаемые качества детей, их структура и динамика в постсоветской России // Россия реформирующаяся. Вып. 15. С. 479–515.
23. Остин Дж. (1999) Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги. С. 13–135.
24. Радина Н. К. (2018) Независимые медиа и инициативы государственной семейной политики на этапе «пронаталистского поворота» // Журнал исследований социальной политики. Т. 16. № 2. С. 295–310.

25. Романов П., Ярская-Смирнова Е. (2008) Идеология социальной политики и практика социального обслуживания в период либеральных реформ // П. Романов, Е. Ярская-Смирнова (ред.) Социальная политика в современной России: реформы и повседневность. М.: ЦСПГИ; Вариант. С. 80–105.
26. Сакевич В. И., Денисов Б. П. (2017) Активность законодателя в области репродуктивных прав и ее влияние на динамику прерываний беременности в Российской Федерации // Е. Г. Ясин (ред.) XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 4 кн. М.: Изд. дом ВШЭ. Кн. 3. С. 207–214.
27. Селищев А. М. (2010) Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком (1917–1926). М.: Либроком.
28. Семья Г. В. (2016) Национальная стратегия действий в интересах детей в России и стратегии Совета Европы по правам ребенка // Психологическая наука и образование. Т. 21. № 1. С. 108–118.
29. Троцкий Л. Д. (2017) Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? М.: Т8.
30. Фараджев К. В. (2002) Прикладные аспекты проекта социальной инженерии: социология образования в послереволюционной России (1917–1930). М.: Центр социологии образования РАО.
31. Швабауэр А. В. (2017) Горькие плоды Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 г. <http://xn—btbgbfav8d-mbqer.xn—p1ai/News/?newsid=1248>
32. Щеглова С. Н. (2004) Трансформация детства в современном российском обществе и императивы развития государственной политики в интересах детей // Журнал исследований социальной политики. Т. 2. № 2. С. 175–188.
33. Ярская-Смирнова Е., Романов П., Лебина Н. (2008) Советская социальная политика и повседневность, 1940–1980-е // Е. Ярская-Смирнова, П. Романов (ред.) Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М.: Вариант; ЦСПГИ. С. 7–32.
34. Alwin D. F. (1986) Religion and Parental Child-Rearing Orientations: Evidence of a Catholic-Protestant Convergence // *American Journal of Sociology*. Vol. 92. № 2. P. 412–440.
35. Kulmala M., Rasell M., Chernova Zh. (2017) Overhauling Russia's Child Welfare System: Institutional and Ideational Factors behind the Paradigm Shift // *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No 3. P. 353–366.
36. Kohn M. L. (1959a) Social Class and the Exercise of Parental Authority // *American Sociological Review*. Vol. 24. No 3. P. 352–366.
37. Kohn M. L. (1959b) Social Class and Parental Values // *American Journal of Sociology*. Vol. 64. No 4. P. 337–351.
38. Kohn M. L. (1963) Social Class and Parent-Child Relationships: An Interpretation // *American Journal of Sociology*. Vol. 68. No 4. P. 471–480.
39. Lenski G. E. (1963) *The Religious Factor*. Garden City, NY: Doubleday.
40. Maslow A. H. (1954) *Motivation and Personality*. New York: Harper & Row.
41. McClelland D. C. (1961) *The Achieving Society*. Princeton, NJ: Van Nostrand.
42. Schwartz S. H. (2006) Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences across Nations // С. Jowell, R. Roberts, G. E. Fitzgerald (eds) *Measuring Attitudes Cross-Nationally—Lessons from the European Social Survey*. London: Sage. P. 161–193.

Liberal and Conservative Trends in Post-Soviet Social Policies for Children

Lidia Okolskaya

Author

Candidate of Sciences in Sociology, Senior Researcher, Federal Sociology Research Center, Russian Academy of Sciences. Address: Bld. 5, 24/35 Krzhizhannovskogo Str., 117218 Moscow, Russian Federation. E-mail: okoli@yandex.ru

Abstract

This study examines the framework documents capturing the political rhetoric on children as well as different versions of the Russian law on children's rights to explore how government agencies perceive and treat children as a social group and what social policy values and norms are at play in this field in Russia. The sample includes documents of two genres: general child protection policies and existing laws. Content analysis allows identifying the underlying values and the principles of treating children (universalism, self-direction, benevolence, conservation, openness to change) as well as the methods of social policy (incentivization, normalization, prohibition) that have been reflected in the legislative documents. Analysis of how social policies for children were changing from the 1990s through the 2010s shows that both liberal and conservative trends were present. The liberal trend of the 2010s consisted in taking terms and values from the international legislative experience. In particular, children have come to be recognized as social actors and full-fledged participants of societal processes; the government's perception of children as a social group has become more individualized; orphanage deinstitutionalization is occurring; children's need for belonging and love has been acknowledged; the values of autonomy, such as independence and responsibility, are being encouraged in children. The conservative trend in social policies for children manifests itself in a statistically significant growth of support for the traditional values, such as multigenerational households, parental authority, and family loyalty.

children, social policy, government, children's rights, family, upbringing values, modernization, emancipation, conservatism, legislation, rhetoric, content analysis.

Keywords

Alwin D. F. (1986) Religion and Parental Child-Rearing Orientations: Evidence of a Catholic-Protestant Convergence. *American Journal of Sociology*, vol. 92, no 2, pp. 412–440.

References

Ariès P. (1999) *Rebenok i semeynaya zhizn pri Starom poryadke* [Centuries of Childhood: A Social History of Family Life]. Ekaterinburg: Ural State University.

Austin J. (1999) Kak sovershat deystviya pri pomoshchi slov [How to Do Things with Words]. *Austin J. Izbrannoe* [Selected Works], Moscow: Ideya-Press; Dom intellektualnoy knigi, pp. 13–135.

Bendina O. (2007) "Chem rebyat branit i bit, luchshe knizhku im kupit!": diskursy zhestokogo obrashcheniya s detmi v 1920–1930-e gody (na materialakh Saratovskoy gubernii) ["Rather than Scolding and Beating the Children, It Is Better to Buy Them Books": Child Abuse Discourses in the 1920s–1930s (The Case of Saratov Governorate)]. *Sovetskaya sotsialnaya politika 1920–1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost'* [Soviet Social Policies in the 1920s–1930s: Ideology and Everyday Life]. (eds P. Romanov, Y. Yarskaya-Smirnova), Moscow: Variant, Center for Gender and Social Policy Studies, pp. 392–413.

- Bysov L. (2010) «Neokonservativnaya volna» v sovremennoy Rossii: faza ochere-
dnogo tsikla ili stabilnoe sostoyanie? [“Neo-Conservative Wave” in Contem-
porary Russia: A Phase of the Next Cycle or a Stable Stage?]. *Universe of
Russia*, no 1, pp. 3–44.
- Culvert K. (2009) *Deti v dome: materialnaya kultura rannego detstva, 1600–1900*
[Children in the House: The Material Culture of Early Childhood, 1600–
1900]. Moscow: The New Literary Observer.
- Devyatko I., Abramov R., Katerny I. (eds) (2017) *Normy i moral v sotsiologiches-
koy teorii: ot klassicheskikh kontseptsiy k novym ideyam* [Norms and Mora-
lity in Sociological Theory: From Classical Concepts to New Ideas]. Mos-
cow: Ves mir.
- Faradzhev K. (2002) *Prikladnye aspekty proekta sotsialnoy inzhenerii: sotsio-
logiya obrazovaniya v poslerevoluytsionnoy Rossii (1917–1930)* [Applied
Aspects of the Social Engineering Project: Sociology of Education in
Post-Revolutionary Russia (1917–1930)]. Moscow: Center for Sociology of
Education, Russian Academy of Education.
- Grigoryeva I. (2017) Sto let transformatsiy sotsialnoy politiki v Rossii [One Hun-
dred Years of Social Policy Transformation in Russia]. *Journal of Social Po-
licy Studies*, vol. 15, no 4, pp. 497–514.
- Gurko T. (2013) O kontseptsii gosudarstvennoy semeynoy politiki Rossiyskoy
Federatsii na period do 2025 goda: ekspertnaya otsenka [The Concept of
Government Family Policy of Russian Federation over a Period 2025: Sug-
gestions for Improvement]. *Sotsiologicheskaya nauka i socialnaya praktika*,
no 3, pp. 33–52.
- Disney T. (2017) Etnograficheskiy vzglyad na rol emotsiy v rossiyskom detskom
dome [Ethnographic Perspectives on Emotion in a Russian Orphanage].
The Journal of Social Policy Studies, vol. 15, no 3, pp. 407–420.
- Inglehart R. (2018) *Kulturnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskie
motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural Evolution: People’s Motivations
Are Changing, and Reshaping the World]. Moscow: Mysl.
- Ivin A. (1998) *Logika. Uchebnoe posobie*. [Logic. Study Guide]. Moscow: Zna-
nie.
- Kalabikhina I., Kuchmaeva O. (2014) Problemy i perspektivy monitoringa uchas-
tiya detey v realizatsii “Natsionalnoy strategii deystviy v interesakh detey
na 2012–2017 gg.” [The Challenges and Future Prospects for Monitoring
Children’s Participation in the National Strategy for Action in the Interests
of Children 2012–2017]. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 14, no 4,
pp. 507–520.
- Kelly C. (2009) *Tovarishch Pavlik: Vzlet i padenie sovetского malchika-geroya*
[Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero]. Moscow: The
New Literary Observer.
- Kohn M. L. (1959a) Social Class and the Exercise of Parental Authority. *Ameri-
can Sociological Review*, vol. 24, no 3, pp. 352–366.
- Kohn M. L. (1963) Social Class and Parent-Child Relationships: An Interpreta-
tion. *American Journal of Sociology*, vol. 68, no 4, pp. 471–480.
- Kohn M. L. (1959b) Social Class and Parental Values. *American Journal of So-
ciology*, vol. 64, no 4, pp. 337–351.
- Kulmala M., Rasell M., Chernova Zh. (2017) Overhauling Russia’s Child Welfare
System: Institutional and Ideational Factors behind the Paradigm Shift. *The
Journal of Social Policy Studies*, vol. 15, no 3, pp. 353–366.
- Lenski G. E. (1963) *The Religious Factor*. Garden City, NY: Doubleday.
- Levada Y. (2000) *Ot mneniy k ponimaniyu. Sotsiologicheskie ocherki 1993–2000*
[From Opinion to Understanding: Essays in Sociology, 1993–2000]. Mos-
cow: Moscow School of Political Studies.

- Livshits E. (2008) Dorevolutsionnye po forme, sovetskie po sodержaniyu? Obrazovatelnye reformy v gody voyny i poslevoynnyye poiski normy [Pre-Revolutionary in Form, Soviet in Content? Education Reforms During the War, and the Post-War Quest for the Norm]. *Sovetskaya sotsialnaya politika: stseny i deystvuyushchie litsa, 1940–1985* [Soviet Social Policy: Scenes and Actors] (eds Y. Yarskaya-Smirnova, P. Romanov), Moscow: Variant, Center for Gender and Social Policy Studies, pp. 151–173.
- Magun V. (2011) Dvizhenie ot traditsionnykh semeynykh norm k sovremennym: sravnenie Rossii i Frantsii [The Movement from Traditional Family Norms to Modern Ones: A Comparison of Russia and France]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*, no 2, pp. 106–116.
- Magun V., Fabrikant M. (2014) Semeynye tsennosti rossiyan i evropeytssev [Family Values in Russia vs Europe]. *Demoscope Weekly*, nos 613–614. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0613/tema01.php> (accessed 6 May 2019).
- Magun V., Rudnev M. (2010) Bazovye tsennosti rossiyan v evropeyskom kontekste [Basic Values of Russians in the European Context]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 4, pp. 5–17.
- Maslow A. H. (1954) *Motivation and Personality*. New York: Harper & Row.
- McClelland D.C. (1961) *The Achieving Society*. Princeton, NJ: Van Nostrand.
- Melville A. (2017) Neokonservativny consensus v Rossii? Osnovnye komponenty, factory ustoychivosti, potentsial erozii [Neoconservative Consensus in Russia? (Main Components, Factors of Stability, Potential for Erosion)]. *Politeia*, no 1 (84), pp. 29–45.
- Okolskaia L. (2017) Zhelaemye kachestva detey, ikh struktura i dinamika v post-sovetskoy Rossii [Important Child's Qualities in Post-soviet Russia: Priorities and Trends in Parental Values]. *Rossiya reformiruyushchayasya*, iss. 15, pp. 479–515.
- Radina N. (2018) Nezavisimye media i initsiativy gosudarstvennoy semeynoy politiki na etape “pronatalistskogo povorota” [Independent Media and Initiatives in State Family Policy during the “Pronatalist Turn”]. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 16, no 2, pp. 295–310.
- Romanov P., Yarskaya-Smirnova Y. (2008) Ideologiya sotsialnoy politiki i praktika sotsialnogo obsluzhivaniya v period liberalnykh reform [Ideology of Social Policy and Social Service Practices in the Era of Liberal Reforms]. *Sotsialnaya politika v sovremennoy Rossii: reformy i povsednevnyy* (eds P. Romanov, Y. Yarskaya-Smirnova), Moscow: Center for Gender and Social Policy Studies, Variant, pp. 80–105.
- Savevich V., Denisov B. (2017) Aktivnost zakonodatelaya v oblasti reproduktivnykh prav i yeye vliyanie na dinamiku preryvaniy beremennosti v Rossiyskoy Federatsii [Legislation Activity in Reproductive Rights and Its Influence on Abortion Rates in the Russian Federation]. *XVII Aprelskaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. V 4 kn.* [17th April International Academic Conference on Economic and Social Development. In Four Books] (ed. Y. Yasin), Moscow: National Research University Higher School of Economics, Book 3, pp. 207–214.
- Selishchev A. (2010) *Yazyk revolyutsionnoy epokhi: iz nablyudeniy nad russkim yazykom (1917–1926)* [The Language of the Revolutionary Era: From Observations of the Russian Language (1917–1926)]. Moscow: Librokom.
- Semya G. (2016) Natsionalnaya strategiya deystviy v interesakh detey v Rossii i strategii Soveta Yevropy po pravam rebenka [Russia's National Strategy for Acting in Children's Interests vs. Action on the Rights of the Child in Europe]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, vol. 21, no 1, pp. 108–118.

- Shcheglova S. (2004) Transformatsiya detstva v sovremennom rossijskom obtshchestve i imperativy razvitiya gosudarstvennoy politiki v interesah detey [The Transformation of Childhood in the Modern Russian Society and The Imperatives of Development of State Policy in Childs Interest]. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 2, no 2, pp. 175–188.
- Shvabauer A. (2017) *Gorkie plody Natsionalnoy strategii deystviy v interesakh detey na 2012–2017 g.* [The Bitter Fruits of the 2012–2017 National Strategy for Acting in Children's Interests]. Available at: <http://xn—btbgfbav8d-mbqer.xn—p1ai/News/?newsid=1248> (accessed 6 May 2019).
- Schwartz S. H. (2006) Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences across Nations. *Measuring Attitudes Cross-Nationally—Lessons from the European Social Survey* (eds C. Jowell, R. Roberts, G. E. Fitzgerald). London: Sage, pp. 161–193.
- Trotsky L. (2017) *Predannaya revolyutsiya: Chto takoe SSSR i kuda on idet?* [The Revolution Betrayed: What Is the Soviet Union and Where Is It Going?]. Moscow: T8.
- Vershinina D. (2018) Traditsionnye tsennosti v gosudarstvennoy i obshchestvennoy ritorike Rossii 2010-kh godov: osnovnye kontsepty i problem [Traditional Values in Russian State and Public Rhetoric of the 2010s: Basic Concepts and Problems]. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, vol. 2, iss. 4, pp. 477–484.
- Vishnevsky A. (1998) *Serp i rubl: Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Ruble and Sickle: Conservative Modernization in the USSR]. Moscow: United Humanitarian Publishers.
- Yarskaya-Smirnova Y., Romanov P., Lebina N. (2008) Sovetskaya sotsialnaya politika i povsednevnost, 1940–1980-e [Social Policy and Everyday Life in the Soviet Union, 1940s-1980s]. *Sovetskaya sotsialnaya politika: stseny i deystvuyushchie litsa, 1940–1985* [Soviet Social Policy: Scenes and Actors] (eds Y. Yarskaya-Smirnova, P. Romanov), Moscow: Variant, Center for Gender and Social Policy Studies, pp. 7–32.
- Zelikova Yu. (2012) Vliyanie sotsialnoy politiki i roditelskikh tsennostey na semeynoe povedenie i vospitanie detey: mezhsranovy analiz [Influence of Regime of Welfare and Parenting Values on Family Behavior and Education of Children: Cross-Country Analysis]. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 10, no 3, pp. 343–360.